

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

ИСТОКИ И ПЕРВОПРИЧИНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**Часть 2***

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

В противоположность этосу, порожденному традиционными, аграрными, феодальными и впоследствии социалистическими обществами, экономическая система капитализма требует от индивида высокой моральной дисциплины, заключенной в обычаях и ценностях, внутренне присущих и одновременно обязательных для его развития. Среди них не только трудолюбие, предприимчивость, здоровые трудовые привычки и желание жить по закону, но также стремление к сотрудничеству, совершенствованию, внимательность к контрагентам, открытость по отношению к незнакомым людям. Любой народ, движимый капитализмом, сталкивается с необходимостью усвоить эти высокие и строгие моральные требования, хотя переживает этот момент по-своему.

Капитализм нельзя воспринимать только из материальных соображений, но его основу при любых раскладах составляет личный экономический интерес человека, встроенного в систему рыночных отношений. Безусловно, система разделения труда, знаний и умений, на которой зиждется европейская цивилизация, обязана своим существованием именно развитию духа индивидуализма. На кого рассчитана эта глобальная система? Честный ответ будет таков: как раз таки поглощенный погоней за прибылью «презренный обыватель» и сделал возможным современный порядок передовых технологий и качество жизни человека, что бы там не говорили интеллектуалы-социалисты. «Хозяйственная же жизнь, как спорт и искусство, – есть область, где конкуренция, и только она одна, определяет собою наиболее приспособленных людей», – пишет И.Л. Солоневич [1, с. 5]. Десятилетием позже Милтон Фридман сформулировал азбучную истину либерализма: «В принципе существует лишь два способа координации экономической деятельности миллионов. Первый – это централизованное руководство, сопряженное с принуждением; таковы методы армии и современного тоталитарного государства. Второй – это добровольное сотрудничество индивидов; таков метод, которым пользуется рынок» [2, с. 36]. В Европе это осознали и начали практиковать с XVI века.

Рационализм и практичность во всём, постоянное профессиональное совершенствование обусловили высокую степень самоуправления и ответственности личности, однако для этого должны быть созданы соответствующие правовые условия. Не случайно, пишет К.В. Арановский, «появилась и либеральная формула *laissez faire* (“дайте действовать”, “свобода рук”), положенная в основании конституционной государственности и невмешательства власти в экономическую деятельность. Нужны также порядок и законность, которым очень кстати отвечает педантичная честность протестантов» [3, с. 213]. В 1818 году английский ученый Галлам констатировал, что «ни в одной стране благотворное влияние политических учреждений не распространилось на такое обширное население, ни один народ так удачно не примерил столь разнородных элементов, как *богатство, порядок и свобода* (курсив наш. – А. П.). Этими преимуществами мы обязаны, конечно, не почве и не географической широте нашего острова, а духу его законов, благодаря которому развились независимость и трудолюбие, отличающие нашу нацию» [4, с. 2]. Созвучно развивает мысль Б.С. Эбзеев: «В новых исторических условиях первичным естественным состоянием человека была объявлена его независимость, которая, как полагали сторонники естественно-правовой доктрины, только в части была ограничена вступлением в общественный договор и образованием государства. И права, присущие этому естественному состоянию, – суть права человека; что же касается сочленства в государстве – оно характеризуется правами гражданина» [5, с. 28].

Ограничение деспотической власти, соблюдение правовых принципов, социальный плюрализм, появление представительных органов, религиозное обновление способствовали возникновению чувства индивидуализма и традиции личных прав и свобод, не имеющих аналогов в других сообществах. Принятие права на индивидуальный выбор доминировало на Западе уже к XVII веку, превалирование его над коллективизмом составляет отличительную черту европейского мировоззрения, практик и общественных институтов. Во всех остальных цивилизациях (мусульманской, китайской, японской, православ-

* Часть 1 статьи опубликована в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки». – 2016. – № 5. – С. 146–160.

ной, индуистской, африканской) индивидуализм как признанная ценность не обнаруживается в религии, социальной структуре, общественном устройстве. Отсюда, кстати, и причина несостоятельности универсалистских претензий Запада.

Индивидуализм как мировоззрение послужил краеугольным камнем в обосновании естественных прав человека. Именно у людей, понимающих индивидуализм неотъемлемой частью религиозного и общественного порядка, мог получить поддержку такой уклад, в основу которого положены права человека, концептуально «увязанные» на идею свободы (понятно, не в интерпретации Руссо и иных основоположников социализма). Как сформулировал Ф.-А. фон Хайек, «свобода как политический институт возникла не из *стремления людей к свободе* в смысле избавления от ограничений, но из их стремления отгородить какую-то безопасную сферу индивидуальной жизни» [6, с. 88]. Такая химера, как «воля народа», неизменно оборачивалась против концепции прав человека. Это актуально и поныне.

Следует особо подчеркнуть опасность коллективного видения свободы вообще и процесса волеобразования народа в частности. Носителем свободы является не коллектив или народ, а отдельно взятый гражданин. Демократия, согласно современной конституции, – это не демократия народа, а демократия граждан, носителей индивидуальной, осознанной свободы. Вот что пишет по этому поводу У. Эко: «На самом же деле “народа” как выражения единой воли и чувства, как натуральной живой силы, воплощающей мораль и историю, не существует. Существуют граждане, и в демократическом режиме (который не идеален, но и другие режимы ещё менее идеальны) принято передавать власть тем, кто получил согласие от большинства сограждан. Не от “народа”, а от большинства, и часто не в силу количественного перевеса, а вследствие особого расклада сил по одномандатной избирательной системе. [...] Воля народа – фикция; поскольку народа как такового не существует, популисты фабрикуют иллюзию народной воли. [...] Кто-то для создания иллюзии народного консенсуса подделывает данные опросов, кто-то адресуетя к фантомному “народу”. Действуя таким образом, популист приравнивает собственный замысел к народному волеизъявлению, после чего, в случае успеха (что нередко) – преобразует в этот выдуманный им “народ” немалую часть сограждан, очарованных иллюзией и стремящихся с этой иллюзией отождествляться» [7, с. 229–231].

Протестантская литература XVI–XVII веков дает много примеров безоговорочной поддержки тех, кто заботится о личном благе. Но об этом писал и Спиноза в своей «Этике», а до него – итальянские гуманисты эпохи Ренессанса: Леонардо Бруни (ок. 1370–1444), Леон Батиста Альберти (1404–1472). А сколь значимо возвращение идеи стоиков о естественном праве! Как заметил Р. Пайпс [8, с. 45], с нею никогда не расставались и в Средние века, но тогда ее отождествляли с волей Божьей, как она выражена в священном Писании. В поисках более рационального обоснования земной власти теоретики времени Ренессанса, не довольствуясь ссылками на Библию, обратились к римским литературным и юридическим текстам. Они вернули к жизни начиненную революционной взрывчаткой идею о том, что естественное право возникло прежде действующих законов и что все люди обладают врожденными правами, которые правительства не могут у них отбирать, ибо и само государство создавалось для защиты этих прав. О сопротивлении тирании убедительно писал Дж. Локк в своих трактатах, а конституционное законодательство США и Франции восприняло эту установку как незыблемый постулат.

В самом деле, связь капитализма, протестантства и зарождающегося конституционализма очевидна, когда обращаешься к историческим подтверждениям: «Если представить карту распространения конституционной традиции, то наиболее убедительны её успехи в странах, где протестантизм составил господствующее или хотя бы представительное христианское вероисповедание» [3, с. 208]. Вряд ли такое соответствие может быть объяснено как случайное совпадение. Если права и свободы личности составляют суть конкретной идеи, то совершенно очевидно то участие, которое индивидуализм, протестантский по происхождению, принял в её формировании. «Реформация, – отмечает О.И. Омельчук, – стала реакцией на девальвацию однозначности теоцентризма, важнейшей идеей которой стала необходимость личной ответственности человека перед Богом за свое поведение. При этом отбрасывалась необходимость посредничества церкви. Так соединяются сильное влияние религии с гуманизмом Возрождения, который отстаивал самостоятельность, исключительность и ценность человека» [9, с. 107]. Создание целостной концепции правового поведения нашло отражение в трудах М. Лютера [10], У. Цвингли [11], Т. Мюнцера [12], Ф. Меланхтона [13], Ж. Кальвина [14].

Противоречия и разрыв между церковным учением и реальной жизнью в период Позднего Средневековья становились все более и более ощутимыми, что, в свою очередь, стремительно подрывало некогда высокий авторитет церкви. Этим исподволь был подготовлен путь к состоявшейся в XVI веке протестантской Реформации. Такова основная версия [15, с. 158]. Но великое реформаторское движение не было только протестом против злоупотреблений католической церкви. Помимо необходимости обретения экономической свободы оно обладало огромным творческим потенциалом, и часто идеалом была жизнь в свободных, братских общинах. Но поскольку это предполагало передел собственности, «старые» католические и «молодые» протестантские государства решительно обрушились на существ-

вание любых социально-политических союзов между гражданами. Подавление с невероятной жестокостью народных движений, развязанная опустошительная тридцатилетняя война за делёж власти и собственности – это тоже Реформация.

И здесь прав П.А. Кропоткин [16, с. 238], когда говорит о том, что в условиях хаоса поглощения государством всех социальных функций по необходимости благоприятствовало необузданному, узко понимаемому индивидуализму. По мере того как обязанности к государству возрастали численно, граждане явно освобождались от своих обязанностей по отношению друг к другу, как это было раньше в гильдиях и братствах. Но ничего не попишешь, «религией» капитализма является конкуренция и самовывживаемость, поэтому традиционно-общинные отношения стремительно угасают, сохранившись преимущественно в сельской местности.

Концепция индивидуализма не вызывает исключительно «благодаря» погоне человека за наживой или желанию высвободиться из пут патриархальной семьи. Джордж Фридман убедительно доказал [17, с. 81], что истоки персонификации европейской личности имели ярко выраженный религиозный характер, когда Лютер бросил вызов существовавшим представлениям и авторитетам, выдвинув во главу угла совесть и разум индивидуума. Попытаемся понять суть проблемы. Католическая церковь всегда учила, что человек может прийти к познанию Бога только через учение церкви, ее таинства и священнодействия иерархов. Не случайно такое внимание уделялось внешним проявлениям в виде грандиозных и завораживающих ритуалов. Но когда на Вормском рейхстаге Мартин Лютер заявил о том, что его совесть только Словом Божиим связана, он тем самым верующего христианина поставил в центр мира. Это высказывание, содержащее концепцию индивидуальной ответственности, совести и сомнения, положило начало коренной перестройке всей структуры христианства и подготовило почву для социальных потрясений. В католической доктрине никто не может истинно толковать догматы христианской веры, будучи вне церковной системы. Лютер же ввел понятие совести и личных убеждений индивидуума, которые дают каждому человеку право самостоятельно изучать слово божие через Библию и интерпретировать его таким образом, как велит личная совесть.

С появлением книгопечатания Библия перестала быть рукописной редкостью, христиане получили возможность читать ее каждый день вне церковных стен, понимать и толковать сообразно индивидуальной совести. В духовном плане – это самый резкий разрыв с прошлым. Ввиду того, что было необходимо зарабатывать на хлеб насущный, протестанты самое пристальное внимание обратили на вопросы труда, собственности, накопительства, личного преуспеяния в мирских делах. Раньше было проще, поскольку католическая церковь навязывала своим последователям единые догмы и побуждала поступать единообразно. Новый религиозный уклад привносил неопределенность и неуверенность в отсутствие заведомых авторитетов, но теперь каждому человеку следовало оценивать любое явление или идею, руководствуясь лишь своей верой и совестью. Причем у людей появилась не только свобода в такой оценке, но и обязанность, диктуемая совестью, поступать именно так – и никак иначе. Высвобождались не только умы, но и развязывались руки. Протестант с искренностью веры и чистотой совести, мучаемый скептицизмом в восприятии любых попыток установить какие-то авторитеты, сообразуясь не со сверхъестественными, а с естественными сущностями, открывал неведомую эпоху. Индивидуум, общество взглянули на себя абсолютно по-новому. Сначала интеллектуально, потом – экономически, а затем и политически. Конечно, ничто не подлежит идеализации. Впоследствии с «разжижением» этических императивов и развитием атеистических воззрений Эпоха Просвещения дала дорогу радикальному индивидуализму, не поставив никаких барьеров для индивидуальной глупости или злого умысла. Но в XVI веке индивидуализм еще не был абстрактной концепцией, он органично совмещался с идеей разумного, справедливого и прогрессивного общества.

События той эпохи наглядно продемонстрировали, что протестантская вера удачно осуществила себя в капиталистическом укладе, а капитализм получил религиозные обоснования в протестантстве. Что из этого следует в отношении конституции? Предоставим слово К.В. Арановскому: «Кроме того, что индивидуализм и рационализм содействуют поддержанию конституционных отношений, протестантская вера, если ставить её в связь с капитализмом, даёт конституционному праву экономическую среду, в которой оно только и может быть развёрнуто. Капитализм с его правилами свободного рынка требует формального равенства, правового обособления индивидов, а также частной собственности. Протестантское учение назвало знаком благодати приобретательство. Однако охота за сокровищами или обогащение в завоеваниях – не главный способ стяжательства. Приобретения должны быть законной собственностью. Она отличается от собственности, зависимой от места лица в государстве, во власти, иерархии, родовых или кланово-сословных отношениях» [3, с. 217].

Влияние церкви на экономическую жизнь общества характеризовалось, как отмечает Э. Аннерс [15, с. 157], в весьма значительной степени выраженным принципиальным противоречием между церковным учением и самой жизнью. Согласно догматам церкви, спасение человеческой души через послу-

шание воле Господа – это единственное и самое существенное в земном бытии человека. Позиция, занятая церковью по отношению к экономике, в самой основе являлась антиматериалистической, ведь одно из основных монастырских правил требовало от человека, чтобы он всю свою жизнь оставался бедным. С другой стороны, уже с XII века церковь располагала огромными финансовыми накоплениями, собирала несметные богатства, использовала право владения имуществом исключительно лишь своими служителями, хотя формально оно оставалось за всем сообществом верующих. И все это делалось, прежде всего, из жадности обладания политической властью. Создавалось стойкое убеждение, что церковь владела всем этим не по праву, и поэтому такой порядок должен быть пересмотрен.

Становится очевидным, что формальное равенство и частная собственность в равной мере востребованы и протестантизмом, и капитализмом, и конституцией, в которой равноправие и собственность выражают едва ли не главный её смысл. Поэтому ещё раз подчеркнём хронологические наложения развития капитализма, Реформации и формирующегося идейного конституционализма. Конечно, впоследствии эта триада не была столь единой. Капиталистические отношения получили самодовлеющее значение, а первые писанные конституции носили характер светских документов. Но изначально протестантизм, капитализм и конституционализм образовывали монолитный субстрат. Не случайно, по мнению М. Новака [18, с. 23], 1776 год ознаменовался двумя важнейшими событиями: Адам Смит опубликовал свое «Исследование о природе и причинах богатства народов» [19] (этот шотландский профессор входил в руководство Ост-Индской компании, а работа была написана по заказу Джеффри Стейнберга – руководителя Палаты лордов и куратора внешней разведки Британии); в Северной Америке возникла первая демократическая республика – США (государство, созданное протестантами-англосаксами на основе писаной конституции).

Все эти наблюдения не являются чем-то принципиально новым в освещении конституционной истории. В эпоху Просвещения многие мыслители понимали рассмотренные закономерности. В работе «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье отмечал тот факт, что «католическая религия более согласуется с монархическим образом правления, а протестантская – с республиканским. [...] Этот народ (английский – А. П.) лучше всех народов мира сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой» [20, с. 381, 285]. Он отмечал закономерности возникновения конституционного строя в странах с передовой экономикой и протестантской религиозной историей. Именно там были основные признаки эволюционного процесса в сфере материального производства, торговли и финансов. Ниал Фергюсон [21, с. 66] в качестве таковых видит: непрерывные мутации (в виде технологических прорывов), умножение видов (создание фирм все новых типов) и «проколотые» равновесия (кризисы, отделявшие выживающие фирмы от вымирающих). Но это было возможно при условии признания передовых на тот момент политических, правовых и религиозных воззрений.

Невозможно отрицать, что достоинства простой христианской жизни, оформившейся благодаря мирскому аскетизму, изменились под влиянием специфических условий городской экономики Нового времени, превратившись в прилежный труд, бережливость, сбережения, расчетливые инвестиции, короче говоря, в качества, приводящие к успеху в земных делах. Основой различия являлись не только и не столько деньги. Отныне социальная иерархия определялась и другой ценностью – трудом. Возможно, даже покажется естественным, что лень, разврат, неумеренность, гордыня, зависть и другие пороки стали довольно накладны не только из-за того, что за них приходилось платить, но также из-за ущерба, который они наносили возможным инвестициям. Как свидетельствует М. Новак, «... и сегодня руководители корпораций утверждают, что тот, кто разместит свои предприятия в городах, населенных мормонами – людьми, наиболее близкими по своему поведению тем здоровым людям, которых описал М. Вебер, будут располагать одними из самых надежных, достойных, прилежных и полагающихся на собственные силы работников во всей стране» [18, с. 369]. Надо отдать должное Дж. Локку, который в своем сочинении «Два трактата об управлении» (1690 г. – анонимное издание) обосновал идею, что источником материального богатства является труд. Эта мысль, заметил Р. Пайпс [8, с. 55], очень понравилась стране, в которой значительную часть жителей составляли самостоятельные фермеры, ремесленники и лавочники. По правде говоря, Локк не был первым, кто выдвинул это соображение; на полвека ранее оно появилось у левеллера Ричарда Овертона. А еще до того, двумя тысячелетиями раньше, Перикл говорил, что каждый афинянин способен «сам по себе ... проявить свою личность».

В средневековой Европе отношение к труду было иным. Он не имел целью экономический прогресс – ни индивидуальный, ни коллективный. Обеспечить минимум, создавать необходимое – такова была трудовая этика. Всякий экономический расчет, который пошел бы дальше предвидения необходимого, сурово осуждался. Обеспечить средства существования – дальше этого экономика не шла. В меньшей степени это касалось высших слоев, которым нельзя было опуститься ниже определенного ранга. Практиковались потребительские займы, но производственного почти не существовало. Что касается трудовой деятельности, она предполагала [22, с. 271], помимо религиозных и моральных устремлений (избежать праздности, которая ведет к дьяволу; искупить, трудясь в поте лица, первородный грех;

смирить плоть), в качестве экономических целей обеспечить как свое собственное существование, так и поддержать тех бедняков, которые не способны сами позаботиться о себе.

Еще св. Фома Аквинский (вышедший из мелкого земельного дворянства и проникнутый идеями автаркической экономики Аристотеля) сформулировал эту мысль в «Сумме теологии» [23]: «труд имеет четыре цели. Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни». Естественно, что это безразличие и даже враждебность по отношению к производительному труду и экономическому росту отражались в сфере денежного хозяйства и оказывали серьезное сопротивление развитию в обществе духа наживы и накопительства. Не случайно в условиях такой примитивной экономики средневековый Запад постоянно терзал страх голода, а средняя продолжительность жизни человека составляла 30 лет. Невыносимость материальных условий существования породила новую философию трудовых отношений. Нельзя сказать, что в Европе ее не было вовсе. Культ труда явно обозначен в иудаизме. Пол Джонсон [24, с. 197] отмечает, что раввинистский иудаизм требовал, чтобы те, кто способен и одарен, были еще трудолюбивыми и результативными. С его помощью древние законы приспособлялись к изменяющимся условиям посредством рационализации. Позднее Реформация реанимировала функцию труда в христианстве, и не случайно протестанты с евреями были самыми удачливыми новаторами в финансово-экономической сфере.

Если прогрессивные взгляды и методы в сфере материального производства вызывали такое отторжение, то что говорить о финансовой составляющей? А ведь без этих инноваций человечество не смогло бы проделать путь от унижительного существования на грани голодной смерти до поистине головокругительных высот материального благополучия, так хорошо знакомых немалому числу обитателей Земли. Эволюция кредитных отношений занимает свое законное место наряду с важными достижениями человечества. В рассматриваемую нами эпоху именно банки с рынком облигаций послужили надежной материальной основой, на которую опиралась экономика нового типа. Но в массовом сознании и во взглядах церковных бонз финансовые новшества всегда представлялись коварными происками проклятых кровопийц, которые стремятся выпить все жизненные соки из тружеников и залезших в долги семей. Всего хватало – денежной кабалы, афер, разорений состояний, финансовых кризисов и всякого рода мошенников, но отрицать роль финансовой системы в жизни человечества нельзя.

Как выясняется, специалисты по истории вопроса расходятся в оценке влияния взрывного развития финансов (начиная с XVII века) на ускорение роста всей экономики, начавшегося в Англии, а затем распространившегося на Западную Европу и крупные европейские поселения в Северной Америке и Австралии. Например, Ниал Фергюсон [21, с. 65] убежден, что ни один человек в здравом уме не будет спорить с тем, что финансовая революция предшествовала революции промышленной. Что правда, решающие шаги в текстильной промышленности и металлургии – а именно эти отрасли находились в авангарде революции – были сделаны практически без помощи банков, но их роль в развитии событий на континенте была гораздо больше, чем в Англии. Не стоит расходовать время на тщетный поиск железной причинно-следственной связи, вроде «усложнение кредитных отношений подтолкнуло к росту» или «экономический рост повлек за собой скачок в финансовом мастерстве». Скорее всего, процессы развивались независимо друг от друга и черпали силы из своих внутренних источников.

Адам Смит отзывался о финансистах с одобрением: «Благоразумные банковские операции, заменяя бумажными деньгами значительную часть этого золота и серебра... [создают], если позволено употребить такую метафору, своего рода воздушный путь, дают стране возможность как бы превращать большую часть её дорог в хорошие пастбища и хлебные поля и таким образом весьма значительно увеличивать годовой продукт её земли и труда» [21, с. 66]. Как видно, великий экономист в 1776 году зафиксировал и доказал связь финансов, собственности и труда, но веком ранее Дж. Локку приходилось доказывать саму «трудовую теорию собственности».

По Локку собственность образуется тогда, когда человек прилагает свой труд к ничейному предмету. И дело обстоит именно так, потому что мы, конечно же, «обладаем собственностью» на самих себя и, в расширительном смысле, на всё, что мы производим: «Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы человек не извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает его своей *собственностью*. Так как он выводит этот предмет из того состояния общего владения, в которое его поместила природа, то благодаря своему *труду* он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей. Поскольку этот труд является исключительной собственностью трудящегося, ни один человек, кроме него, не может иметь права на то, к чему он однажды его присоединил, по крайней мере в тех случаях, когда достаточное количество и того же самого качества (предмета труда) остается

для общего пользования других» [25, с. 142]. Комментируя сказанное, Р. Пайпс умозаключил [8, с. 56], что к словам Рене Де Карта «мыслю – следовательно, существую» Джон Локк, по сути дела, добавил «существую – следовательно, имею собственность»: я обладаю собственностью на самого себя, то есть на всё, что создаю. Более того, представление, что простейший вид нашей собственности – это мы сами, то есть наша личность, наше тело, – означает, что собственность по необходимости предполагает свободу. Ибо сказать, что мы «принадлежим себе», то есть являемся своей «собственностью», равносильно утверждению, что мы вольны располагать собой, в чем и состоит смысл свободы.

Такая «*трудовая теория собственности*» очевидна и привлекательна, но ее использовали и для нападок на собственность. Как и все теории, она имеет уязвимые места. Ведь через нее, согласитесь, никак не оправдать унаследованное богатство, к созданию которого не были приложены никакие личные усилия. Те же, кто создает продукцию на фабриках и заводах, в собственность ее отнюдь не получает. По Д. Рикардо, такому фактору производства, как труд, соответствует не прибыль, а заработная плата (в отличие от коммерческой предприимчивости). Не случайно в XIX веке антисобственнические идеи были использованы социалистами и анархистами, утверждавшими, что при «капиталистическом» способе производства трудящимся массам не достаются плоды их труда и поэтому средства производства подлежат национализации. Но в XVII веке в Англии и ее владениях принцип неприкосновенности частной собственности стал общепринятым. Позднее он был подкреплен утилитаристскими доводами ввиду непреодолимых трудностей с нравственным оправданием собственности (первым с таким взглядом на вещи выступил шотландский философ Дэвид Юм, а из чего именно складывается «интерес и счастье человеческого общества» разъяснил самый влиятельный экономист того времени Адам Смит). Концепция Локка имела ясный и однозначный политический смысл: король не должен нарушать ни одно из прав собственности своих подданных; если он такое допускает, то оказывается в «состоянии войны» с ними и повиноваться ему не следует. Как бы то ни было, в отличие от Франции, где было развернуто широкое наступление интеллектуалов на частную собственность, в Англии взгляды радикал-левеллеров об «одинаковых правах на собственность» успеха не имели, распространение получили иные взгляды.

Неравенство результатов – закономерное явление при честных правилах игры и абсолютной ответственности человека. Поведенческо-психологическую установку нового европейского человека можно сформулировать так: те, кому многое дано, могут не использовать свои таланты, растратить их напрасно; другие добиваются даже большего в сравнении с тем, что им было дано. Лучше всего об этом сказал И. Губерман: «Человек вознаграждается чувством счастья не за то, что создал что-нибудь великое и величественное, а за то, что изо всех сил к собственному потолку приближался, к пределу своих способностей» [б. и.]. В конце концов, иудейское и христианское видение признают, что Бог не обещал равенства результатов, а религиозное сострадание не означает абсолютного равенства. Главное – при капитализме индивид много свободнее, чем при какой-либо иной известной человечеству системе организации экономики. Но его демократический облик сформировался через неизбежные страдания и лишения, для этого понадобился целый комплекс политических и культурных институтов, череда войн, смут и революций.

Эта эпоха удивительным образом объединяет разнящиеся между собой периоды, что отмечено У. Эко [26, с. 14]. С одной стороны, Европа переживает самые ужасные за всю свою историю политические и религиозные, демографические и аграрные, урбанистические и лингвистические кризисы (список можно было бы продолжить). С другой стороны – блистательный период, то есть время первой промышленной революции; время, когда начинают формироваться национальные языки и современные нации; зарождается демократия коммуны; появляются банки, векселя и система двойного учета; подлинную революцию переживают системы наземных и морских перевозок, способы обработки земли и ремесленные приемы; изобретаются огнестрельное оружие, компас и книгопечатание; развивается медицина и представления об элементарной гигиене; не прекращаются Великие географические открытия.

Чем-то это напоминает Античное Средиземноморье; ведь именно там были заложены основы современной цивилизации. В качестве таковых Ф.-А. фон Хайек [6, с. 53] указывает следующие факторы: возможность торговых связей между достаточно отдаленными друг от друга регионами; признание за членами общины свободного применения индивидуальных знаний; право личности самостоятельно распоряжаться в узаконенной сфере частной жизни; децентрализацию в системе управления; наконец, формирование незыблемого института индивидуализированной собственности. Но когда Возрождение распространилось на север, перебравшись через Альпы, оно столкнулось, по верной оценке Дж. Франкла [27, с. 98], с иными социально-экономическими условиями и приобрело новую форму. Церковь там все еще сохраняла свою власть, а феодализм был господствующим общественным строем. Во многом благодаря немецким ученым великие идеи Ренессанса проникли в этот регион, где превратились в идеи Реформации и Просвещения. Знакомство североευропейских ученых и теологов с итальянской гуманистической мыслью оказало значительное влияние на развитие европейской культуры: «Горожане и ученые северных стран стали освобождаться от традиционной схоластической культуры и искать новый тип образования, которое было бы одновременно гуманистическим и религиозным» [27, с. 101]. Во многом благодаря учению Эразма Роттердамского и Мартина Лютера началось движение Реформации.

Ментальное потрясение, которое испытало европейское самосознание от деятельности Мартина Лютера, было революционным по своей сути. До XVI века европейская культура базировалась на догме о том, что центром Европы была церковь. Но когда Лютер вывесил свои знаменитые 95 тезисов на двери Замковой церкви в Виттенберге, это дало старт протестантской Реформации, которая поставила под сомнение постулат о Риме как о центре Европы. Главная идея такова: папа не обладает уникальной связью с Богом, недоступной для других людей, каждый может прийти к Нему самостоятельно, своей дорогой, без посредничества священнослужителей. Любой человек, изучая Библию, ведом к Богу своим сознанием и благословением Господа и может делать собственные заключения и выводы. Если раньше утверждение о Риме как о центре христианской религии всегда оспаривалось восточной ветвью христианства, то теперь эта догма была поставлена под сомнение в самом центре европейского католичества. Поэтому, резюмирует Джордж Фридман [17, с. 82], новое учение возносило в центр религиозного восприятия мира личность христианина, низвергая из этого центра Рим и коренным образом меняя религиозный и духовный ландшафт Европы.

Еще одно произошедшее имело далеко идущие последствия. Поскольку Лютер высказывал свои идеи на немецком и перевел на него Библию, то лютеранство явилось истоком движения, которое породило такое явление, как германский национализм. Немцы, несмотря на лоскутную раздробленность Священной Римской империи, вдруг осознали свою историческую общность. Как и любая другая нация, они сформировались вокруг определенной территории и одного языка, отсюда вызревала идея единого государства со своей церковью, языком, национальностью. Апогея этот ментальный прорыв достиг в XIX веке.

Справедливости ради отметим следующий факт. Мы обращали внимание, что Макс Вебер в своем произведении «Протестантская этика и дух капитализма» [39] доказывал, что протестантизм обеспечивает лучшую базу для экономического развития, чем католичество. В целом как закономерность – так и есть. Аргументы были приведены весомые, но одновременно был проигнорирован тот факт, что Бавария и Рейнская область, регионы с доминированием католичества, были очень развитой частью Германии. В общем, как пишет Дж. Фридман [17, с. 310], существует много соображений на этот счет, причем большинство из них носит вполне логичный и здравый характер, объясняет ту или иную особенность развития страны, но нет ни одной «теории», которая бы учитывала все факторы. Но некорректно оставлять вопрос без ответа. Наша версия такова. Протестантизм способствовал сплочению и единству германской нации, и даже католические регионы при выборе между ценностями папства и своей возрождающейся нации при формальном религиозном подчинении Ватикану во всем остальном хотели быть как большинство немецких земель. И это не стало препятствием для германского сообщества, к тому же немецкий католицизм уж очень специфичен в плане нескрываемого секулярного образа жизни. Кровь этноса и политический смысл оказался сильнее религиозных умонастроений и догмата о незыблемости веры. Это подтвердилось и впоследствии, когда во время двух мировых войн, развязанных Германией, немцы (как католики, так и протестанты), забыв о христианских заповедях, стояли на смерти за могущество Империи и избранность арийской расы. Однако вернемся в эпоху Реформации.

В своем конечном варианте доктрина Лютера полностью соответствовала интересам политической власти того времени: он предлагал Германии перестать быть страной священников, а ведь рыцари и князья давно ждали возможности захватить церковные земли. Экономический вопрос расколол феодалов и церковников на два противоположных лагеря. Потакая немецкой правящей элите, Лютер не одобрял социальные революции. Перейдя на сторону князей, он способствовал возникновению союза церкви и государства, где первая занимала бы подчиненное положение по отношению к последнему. Да и юрисдикция над самой церковью, отмечает Г. Дж. Берман, «перешла от церковных властей к властям гражданским. Протестантский князь стал главой церкви в своем княжестве. Теперь он нес ответственность за разработку секулярного церковного права для решения «мирских» проблем церкви» [28, с. 122]. Тем самым, отрицая доктрину ватиканского папизма, лютеранство сделало человека полностью подконтрольным государству. Но и это было шагом вперед, так как власть в новом обличье признавала те стимулы и мотивы (скромность, самодисциплина, трудолюбие, расчетливость), которые способствовали становлению капиталистического общества. Несмотря на конфликты и парадоксы, которые Ренессанс и Реформация пробудили в религиозной и политической жизни Европы, косность католического мистического догматизма, доминировавшего на протяжении средних веков, была уничтожена.

Дальше М. Лютера пошел Ж. Кальвин, горячо поддержавший идею собственности, увязав ее с трудом, который он считал христианским долгом. Кальвин одобритительно отзывался о промышленности, торговле и больших прибылях, которые они приносят отдельным людям; он отвергал средневековые запреты на ростовщичество и признавал благотворность денег и кредита. По мнению Р. Пайпса [8, с. 34], именно кальвинизм наиболее сильно способствовал подъему капиталистического духа. Но и там все было неоднозначно. Смягчение суровой точки зрения Кальвина в отношении процентных капиталов произошло не сразу, а лишь благодаря Салмазию, борьба против USURARIA PRAVITAS (ростовщичество) проходит через всю историю гугенотской и нидерландской церкви XVI века, а банкиры часто не допус-

кались к причастию. Экономика мыслилась без финансовой составляющей, но это было глубочайшим заблуждением. В значительной мере прогресс человечества был достигнут именно благодаря развитию финансовой сферы, и с этим всё никак не могут смириться ярые ненавистники «презренного металла» и рынка ценных бумаг. Эволюцию кредитных отношений без всякого преувеличения можно поставить рядом с наиболее важными технологическими прорывами.

Как убедительно доказал Ниал Фергюсон, «ненависть к финансам и финансистам, часто тлеющая, но довольно регулярно и легко воспламеняющаяся, – неотъемлемый атрибут истории западной цивилизации. Ее корни следует искать в распространенном взгляде на ростовщиков как на паразитов, высасывающих кровь из “настоящих” видов экономической деятельности вроде сельского хозяйства или промышленности» [21, с. 9]. Несмотря на запреты и преследования, в наиболее «продвинутых регионах» Европы (итальянские города и северные страны) всегда думали над тем, как решать финансовые проблемы и не вызвать гнев церкви. Прежняя парадигма христианского мира «любовь к деньгам – корень зла» была постепенно разрушена. Финансовые новшества послужили надежной материальной основой, на которую опиралось могущество двух великих империй – Голландской и Британской – в эпоху Нового времени. Где этого не понимали (Франция, Испания, Португалия, Речь Посполитая), результат один – деловая жизнь общества со скрежетом останавливается, затем деградирует само государство: «С финансовой точки зрения, обладание первой современной фондовой биржей оказалось предпочтительнее владения крупнейшими в мире серебряными рудниками – и Голландская республика одолела Габсбургскую империю» [21, с. 11]. В конце концов Голландия, первая из европейских стран преодолевшая финансовую безграмотность населения и провозгласившая религиозную терпимость, создала такой тип общества, где от каждого индивида ожидается ответственное распоряжение собственными расходами и доходами. И Бог, и дьявол здесь ни при чем.

Само собой разумеется, что финансовая активность была ключом не в деревне с её аграрным хозяйством, а в городах с их мануфактурами, торговлей и мореплаванием. Где финансы – там и торговля. Поэтому неслучайно в городском праве так противодействовали выгодным для церкви правилам завещания, выработанным каноническим правом, ведь церковная собственность не включалась в торговую жизнь и тем самым сдерживала экономическую экспансию. Юридическое качество городских законов носило секулярный характер, не имело ничего общего с поместным, а по своему уровню было разработано даже на более высоком уровне, чем римское. Главное, установившийся правопорядок устраивал большинство членов социума, создались все необходимые предпосылки для естественно-научного и технического прогресса в начале Нового времени.

Мы остановились на понимании того факта, что европейское общество по объяснимой логике предпочло буржуазные ценности взамен тех, которые тысячелетиями культивировала феодально-клерикальная элита. Различные исследователи, расходясь в деталях, сходятся в определении ключевых институтов, обычаев и убеждений, которые можно по праву называть стержневыми для западной цивилизации. К ним принято относить [29, с. 95–99]: античное (классические) наследие; католицизм и протестантство; европейские языки; разделение духовной и светской власти; господство закона; социальный плюрализм; индивидуализм. Возникает очередной в истории человечества конфликт систем управления, где побеждает более совершенная и эффективная модель. Это и есть эпоха буржуазных революций, где французской традиционно отводится заглавная роль, и принятие Конституции рассматривается символическим актом для всей европейской истории. Известно, что исторически первым договорным актом конституционного значения была Великая Хартия вольностей в Англии 1215 года, а Конституция США «вызрела» и принималась до начала событий во Франции, но по-настоящему слово «конституция» зазвучало лишь после Французской революции. В конечном счёте именно во Франции решался наиглавнейший вопрос о том, создаёт ли Революция новый порядок или она только разрушает старый, ничего нового взамен не предложив.

К тому же в XVIII веке США воспринимались не государством, а малознакомым регионом на отдалённом континенте, и тому, что там происходило, изначально не придавали особого значения. Более того, в течение длительного периода своей истории американцы определяли себя как общество, противостоящее Европе: «Америка была страной свободы, равенства возможностей, будущего; Европа олицетворяла угнетение, классовый конфликт, иерархию, отсталость», – пишет С. Хантингтон [29, с. 56]. Об этом в XIX веке рассказал европейцам А. Токвиль блестящим исследованием *«Демократия в Америке»* [30]. Лишь в XX веке, когда Соединенные Штаты вышли на мировую арену, у них появилось стремление к большему отождествлению своей идентичности с европейской. Однако по вопросу концепции конституционализма у европейцев с американцами было много общего.

Если видеть в конституции писанный свод законов и правил, на основании которых строилось взаимодействие людей, верным представляется утверждение о том, что, «по сути, Конституция оговаривает, как люди должны договариваться, какие у них есть права и обязанности. Конституция – это метод взаимодействия людей» [31, с. 73]. Замысел революции изначально состоял в том, чтобы конституцией закрепить основы такого общественного строя, где власть будет носить договорной регламентированный

характер, а гражданин обязан выполнять лишь те договоренности, которые принял на себя добровольно. При феодализме, как известно, законы спускались сверху и мнение социума никого из власть имущих не интересовало. Это означало всякое отсутствие механизма обратной связи и постоянно подталкивало подвластных к бунтам и войнам. Инициаторы Французской революции задумывали такое общество, где власть будет опираться не на насилие, а на добровольное согласие граждан признавать над собой конституцию, обязательную и для власти. Но на практике всё вышло не так. Это заслуживает отдельного разговора, что автор пытается доказать в своих публикациях [32–34].

Постоянный акцент на договорном характере высшего государственного права не подразумевает упрощения в понимании проблемы либо признания его как реальной юридической конструкции. Власть государства – не договорное право, поскольку граждане никогда не обещали подчиняться государству и не договаривались об этом, концепцию общественного договора следует рассматривать теоретическим постулатом, а не имевшим место историческим фактом. Ясно, что люди рождаются на территории того или иного национального государства и вскоре сталкиваются с необходимостью подчинения, не зависящего от их желания. Здесь ведётся речь о своеобразной «философии» конституции, воспринимаемой в качестве исторической закономерности. Современные исследователи И. Бощенко и М. Калашников [31, с. 79] чётко подметили тонкость в изменении ситуации. Несколькими перефразировав авторов, укажем на главный тезис: если при феодализме человек подчиняется человеку, то в буржуазном обществе человек подчиняется неодушевленному закону (прежде всего конституции). Социум отчуждается от биологического носителя властных полномочий, а «правила игры» отныне фиксируются в своде законов, записанных на внешних носителях. Это и есть то, что называется властью закона, конституции. Поэтому «можно совместить свободу и порядок, никакого противоречия здесь нет», – доказывает Р. Пайпс [35, с. 90]. Уточним – легальный правовой порядок.

При таком праве «общество могло провести свой новый идеал справедливости и утвердить необходимость для власти получить санкцию на управление со стороны общества», – пишет В.М. Розин [36, с. 225]. С этого момента формируется качественно новое политико-правовое пространство, что сейчас принято называть гражданским обществом. Была создана важнейшая предпосылка для предотвращения такого развития государственной власти, когда последняя работает только на себя, а не на общество и человека. По нашему убеждению, если общество управляется посредством всевозможных указаний, директив, поручений, распоряжений, то это есть не что иное, как возвращение к примитивным феодальным порядкам. В своем труде «Капитализм и свобода» Милтон Фридман доказывает порочность системы, которая наделяет небольшое количество людей широкой властью, и таким образом ставит важные политические решения в слишком большую зависимость от случайных черт человеческого характера. Поэтому он и говорит: «Правила вместо властных органов» [2, с. 77]. Современное государство не приспособлено для режима «ручного управления», что хорошо усвоили страны европейской демократии. Конституция выступила современным, действенным и достаточно эффективным инструментом политических, религиозных и социально-экономических преобразований. Через нее оказалось возможным отразить логику регулирования отношений по линии «личность – общество – государство», создать достаточно жестко координированную систему, способствующую социальному прогрессу. Категории демократического и правового государства немыслимы без осмысления их через природу конституционализма.

Рассматривая вопрос о его истоках и первопричинах, становится очевидным, что это явление находится в русле традиции западной правовой культуры, восходящей к временам античности. Запад унаследовал от античной цивилизации многое, включая греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство. Однако собственно «история европейского конституционализма уходит корнями в средние века. Идеи и события этого периода оказали значительно большее влияние на политических авторов, определивших развитие конституционализма в последующем, чем эпоха античности» [37, с. 7]. Действительно, концепции и категории конституционной теории, которые имеют огромное значение для современной практики, Европа унаследовала с тех далеких времен.

Этот исторический этап был достаточно продолжительным, однако характеризуется стремительным развитием новой государственной и общественной жизни. Формы средневекового уклада были потрясены или переделаны. Идея о всемирном духовном владычестве папы и о римской империи утратила силу. Западные государства приобрели независимость, народы сблизались между собой, привыкли жить в отношениях, определенных договорами. Выработывалась, вслед за экономикой и культурой, система политического равновесия, были заложены основы международного права. «Международный закон, – пишет С. Хантингтон, – был западным международным законом, основанным на традициях Древней Греции. Международная система была западной Вестфальской системой суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий» [29, с. 65]. Во многих европейских государствах (Англия, Речь Посполитая, Франция, Испания, Нидерланды, Венгрия, Швеция) формируются органы национальной воли – представительные учреждения, и значение их возрастает. Требовался новый юридический порядок. Однако главное значение, как сказал бы К. Поппер [38, с. 479], имела не смена имеющихся институтов, а изменение мировоззрения человека.

Заключение. Среди духовных ценностей и общественных институтов Запада наиболее яркими являются западное христианство, плюрализм, индивидуализм и верховенство закона. О последнем факторе следует сказать отдельно, что блестяще удалось С. Хантингтону: «Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны были применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (XVI–XVII века) торжество права наблюдалось скорее в *нарушении* закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* (лат. – Не под человеком, но под Господом и законом). Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение» [29, с. 97]. На этом принципе развились представления об индивидуальной свободе и политической демократии, правах и свободах человека. После эпохи Средневековья распространение западных идеалов обрело «второе дыхание», и юриспруденция на это чутко и своевременно отреагировала.

В XVI–XVII века в Западной Европе получает развитие и закрепление идея нового права, договорного по своей сути, а также приоритета неких фундаментальных правовых принципов, которые еще не назывались конституцией в современном смысле этого термина. Но эти хартии, буллы, статуты, кодексы, ковенанты, соглашения питали и вдохновляли первые конституции. Безусловно, философско-правовая мысль и юридические преобразования являются не движущими факторами, а всего лишь отражением сложнейших процессов, протекавших на переломном этапе европейской цивилизации, видоизменивших её до неузнаваемости. Но не подлежит сомнению, что «рост экономической свободы шел рука об руку с ростом политической и гражданской свободы» [2, с. 15]. Показать их взаимопереплетение, причинно-следственные связи между ними составляло для автора важнейшую задачу проведенного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солоневич, И.Л. Диктатура сволочи / И.Л. Солоневич. – М.: Русская Правда, 2013. – 96 с.
2. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М.: Новое изд-во, 2006. – 236 с.
3. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
4. Дэйси, А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции / А.В. Дэйси; пер. с англ. О.В. Полторацкой / под ред. П.Г. Виноградова. – М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1905. – 660 с.
5. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
6. Хайек, Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: пер. с англ. / Ф.А. фон Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.
7. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко; [пер. с итал. Е. Костюкович]. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.
8. Пайпс, Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс; [пер. с англ. Д. Васильева]. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
9. Омельчук, О.Н. Развитие представлений о поведении человека в философии права эпохи Реформации / О.Н. Омельчук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2012. – № 13. – С. 102–108.
10. Лютер, М. О свободе христианина / М. Лютер // Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т.; Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. II: Европа: V–XVII вв. – 829 с.
11. Уайт, Е. Великая борьба / Е. Уайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.otkrovenie.de/beta/xml/gc.xml/10>. – Дата доступа: 26.01.2016.
12. Мюнцер, Т. Вынужденная важными причинами Защитительная Речь и Отповедь бездуховной, сладкоживущей плоти виттенбергской, которая обманым путем, уворовав Священное Писание, нанесла достойный скорби ущерб несчастному христианству (1524 г.) / Т. Мюнцер // Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. II: Европа: V–XVII вв. – 829 с.
13. Митрохин, Л.Н. Меланхтон Филипп / Л.Н. Митрохин // Новая философская энциклопедия: в 4-х т.; Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: предс. В.С. Степин, зам. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – 634 с.
14. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин // Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т.; Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. II: Европа: V–XVII вв. – 829 с.

15. Аннерс, Э. История европейского права: пер. с швед. / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
16. Кропоткин, П.А. Взаимопомощь среди животных и людей / П.А. Кропоткин. – Минск: БелЭн, 2006. – 320 с.
17. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман. – СПб.: Питер, 2016. – 400 с.
18. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак; пер. с англ. В. Г. Маргутика. – Минск: «Лучи Софии», 1997. – 544 с.
19. Смит, А. О богатстве народов / А. Смит; пер. с англ. Л. Кисляковой. – М.: Изд-во «АСТ», 2010. – 255 с.
20. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
21. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон; пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 431 с.
22. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург, Изд-во «У-Фактория», 2005. – 560 с.
23. Аквинский, Ф. О правлении государей / Ф. Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – Л.: Наука, 1990. – 257 с.
24. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон; пер. с англ. И.Л. Зотова. – М.: Вече, 2001. – 672 с.
25. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
26. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко; пер. с итал. А. Шурбелева. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 352 с.
27. Франкл, Дж. Цивилизация: утопия и трагедия / Дж. Франкл; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 с.
28. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. / Г.Дж. Берман. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издат. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
29. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
30. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль; пер. с фр. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
31. Калашников, М. Будущее человечество / М. Калашников, И. Бощенко. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 319 с.
32. Пугачёв, А.Н. Античная традиция и её влияние на идеологию конституционных реформаторов XVIII века / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 6. – С. 123–126.
33. Пугачёв, А.Н. Период буржуазных революций и формирование концепции современной конституции / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 6. – С. 87–100.
34. Пугачёв, А.Н. Последствия и оценки революционных событий и конституционных преобразований конца XVIII века / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 6. – С. 101–112.
35. Пайпс, Р. Два пути России; пер. с англ. / Р. Пайпс. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
36. Розин, В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти / В.М. Розин. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2005. – 352 с.
37. Шеппели, Ким Лейн. Российская Конституция в конституционной истории Европы / Ким Лейн Шеппели // Сравнительное конституционное обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 7–17.
38. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги / Карл Раймунд Поппер; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.
39. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. / М. Вебер // Избр. произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада).

Поступила 25.03.2016

THE SOURCES AND PRIME CAUSES OF THE EUROPEAN CONSTITUTIONALISM

Part 2

A. PUGACHEV